

УДК 94(57)
DOI 10.17223/19988613/38/3

М.В. Семиколенов

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ НА КРЕСТЬЯНСКИЕ НАДЕЛЬНЫЕ ЗЕМЛИ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматривается феномен частной собственности и возможность ее распространения на крестьянские наделные земли в Сибири пореформенного периода. Прослеживается эволюция законодательства, связанная с вопросами собственности и возможностью его распространения на Сибирь. Особое внимание акцентируется на работе комиссии барона М.Н. Медема, которая не видела препятствий введения частной собственности в Сибири. Немаловажными являются и взгляды крестьян на проблему частной собственности, так как они были основаны на обычном праве, которое являлось преобладающим в период господства захватной формы землепользования.

Ключевые слова: частная собственность; крестьянство; Сибирь; наделная земля; М.Н. Медем.

Проблема земельной собственности крестьян и ее правовое содержание до сих пор остаются неизученными в трудах исследователей. В данной статье предстоит выяснить сущность феномена частной собственности на землю, проследить влияние общественной мысли на формирование законодательства, установить взаимосвязь правительственных законов по вопросам предоставления государственным крестьянам частной собственности на землю.

Вопросы частной собственности на землю ставились уже в начале XIX в. Под влиянием идей А. Смита начинают появляться работы, в которых экономисты настаивали на безземельном освобождении крестьян [1. С. 109]. Позднее стало понятно, что безземельное освобождение крестьян невозможно. В то же время некоторые помещики осознавали необходимость введения частной собственности, которая, по их мнению, должна была внести прогресс в сельское хозяйство.

В 1820 г. в «Трудах Вольно-экономического общества» появилась заметка помещика Зубова, считавшего целесообразным отмену крепостных отношений с предоставлением крестьянам земли в полную собственность. Автор заметки считал доказанным, что крестьяне, не имея в земле незыблемой собственности, недостаточно обрабатывают ее для того, чтобы производить хороший урожай хлеба и покоса. Единственным целесообразным выходом из этого положения автор признавал утверждение земли в неотчуждаемую собственность крестьянам с предоставлением им права продавать в своих землях участки, для чего предлагал пашенную землю и покосы разделить во всю длину полей. Государственные подати и помещичий оброк взимались бы с земли. Благодаря такому утверждению собственности всякий земледелец был бы уверен, что его труды и издержки на обработку земли принадлежат ему или его наследникам. При отделении же помещичьих земель в вечное обращение крестьянам, по мнению автора, вполне достаточно отвести на каждую душу мужского пола полевой и сенокосной земли от 4–5 десятин. Остальная земля находилась бы в полном владении помещика [2.

С. 122–123]. Заметка Зубова была для своего времени революционной, так как о такой форме крепостных отношений никто еще не думал.

В 1827 г. статс-секретарь Н.Н. Муравьев составил проект, в котором предлагалось разрешить лицам, возведенным за службу в дворянское достоинство, приобретать деревни с правом собственности на землю. Уже на ней поселенные крестьяне должны быть свободны и пользоваться землею по добровольному с помещиком соглашению. Автор выражал уверенность, что и владельцы наследственных вотчин постепенно осознают необходимость перехода к новому порядку отношений, охотно даря крестьянам свободу с сохранением права собственности на землю [3. С. 156].

Перед отменой крепостного права разгорается дискуссия между славянофилами и западниками, в которой затрагивался вопрос, кому принадлежит право собственности на землю: государству или крестьянам [4. С. 123–127]. Славянофилы считали, что после отмены крепостного права следовало дать крестьянам право собственности на землю. По их мнению, труд многих поколений крестьян, вложенный в землю, позволяет говорить о праве пользования и владения землей, которая юридически принадлежала государству [5. С. 31]. Западники же считали, что никакого самостоятельного «исторического права» крестьян на землю не существует. Право на землю сосредоточено только в государстве [6. С. 57–58].

Закон 19 февраля 1861 г. предусматривал введение частной собственности на крестьянские земли. В главе II «*О правах по имуществу*» в «Высочайше утвержденном общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», говорилось о том, что «крестьянам оставляется их усадебная оседлость впредь до приобретения ими оной в собственность на правилах, определенных в Положении о выкупе крестьянами усадебной оседлости и о содействии Правительства к приобретению ими в собственность полевых угодий» [7. С. 146]. Крестьянам предоставлялось право выкупить землю у помещика. При заключении выкупных сделок на основе добровольного согла-

шения с крестьянами помещик имел право требовать дополнительный платеж. Дополнительный платеж вносился в рассрочку от одного года до 49 лет [8. С. 244]. Земли, приобретенные в собственность, передавались общине, а она по своему усмотрению распоряжалась ими и могла разделить земли между крестьянами и предоставить каждому участок в частную собственность либо оставить земли в общем владении [7. С. 146]. Каждый член сельского общества мог потребовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении земли [Там же].

Отмена крепостного права и перевод бывших крепостных в разряд государственных привели к увеличению их числа до 38 млн чел., что вызвало необходимость принятия законов об управлении государственными крестьянами и о поземельном их устройстве [8. С. 273]. При реформе управления государственных крестьян от 18 января 1866 г. было решено уравнивать их в вопросах собственности на наделенные земли с крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости. Согласно закону от 18 января 1866 г. **«О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в владение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений»** государственные крестьяне передавались управлению государственных имуществ, образуя затем сельские волости. Крестьяне обязаны были уплачивать государственные подати. Кроме того, они облагались сбором на содержание местных учреждений по крестьянским делам [9. С. 34]. Данный закон говорил о том, что «крестьяне, водворенные на казенных землях, сохраняют на существующем ныне основании все состоящие в их наделе земли и предоставленные им угодья. Действующий ныне порядок остается без изменения впредь до ближайшего определения особым постановлением поземельного устройства сих крестьян» [Там же].

Затем был принят указ от 24 ноября 1866 г. **«О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»**, в котором почти дословно повторялась мысль закона от 19 февраля 1861 г. В указе обращалось внимание на то, «что, признав возможным приступить к окончательному устройству хозяйственного быта государственных крестьян, необходимо расширить их права по владению и распоряжению предоставленными им в надел от казны землями» [Там же. С. 280]. В п. 4 указа от 24 ноября 1866 г. говорилось, что государственным крестьянам предоставлялось право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению данными им во владение по записям землями при соблюдении следующих условий: «При согласии 2/3 членов общества допускался раздел общественной земли на подворные участки, а также выдел участков отдельным домохозяевам» [Там же. С. 281]. Пункт 14 Указа от

24 ноября 1866 г. гласил, что выкупленные у казны земли составляли «полную собственность их владельцев» [Там же. С. 283].

По 36 губерниям, на которые распространялся указ 24 ноября 1866 г. (за исключением западных, прибалтийских, сибирских, кавказских и Бессарабской области), государственные крестьяне должны были получить на владение землями особый по каждому сельскому обществу акт, названный «владенною записью». В запись должны были входить земли крестьянского надела с определением границ и размером причитающейся с каждого селения оброчной подати [10. С. 185]. Распространение указа от 24 ноября 1866 г. на территорию Сибири напрямую зависело от межевых работ, проведенных в крае.

Возможностью распространения указа от 24 ноября 1866 г. на сибирских крестьян занималась комиссия под председательством барона М.Н. Медема, учрежденная в декабре 1872 г. О значении работы комиссии барона М.Н. Медема говорит то, что император Александр II на основании журнала Комитета Министров от 6 февраля 1873 г. «соизволил Собственнолично написать на ведомости против помянутого объяснения: “Министру государственных Имуществ донести Мне лично, в каком положении находится это дело”» [11. Л. 33]. Комиссия открыла свои заседания в начале марта 1873 г. На них предстояло обсудить, главным образом, следующие вопросы. Во-первых, в какой степени и на каких основаниях могут быть применены к государственным крестьянам Сибири указы от 18 января и 24 ноября 1866 г. об административном и поземельном устройстве государственных крестьян Европейской России. Во-вторых, право собственности крестьян на наделенные земли. В-третьих, размеры земельных и местных наделов. В-четвертых, определить устройство управления для заведывания государственными имуществами и свободными казенными землями, которых состоит в обеих частях Сибири до 10 700 000 кв. верст или до 1 100 млн десятин, приносящими казне в настоящее время самый ничтожный доход [12. Л. 36].

В ходе работы комиссии М.Н. Медема подробно были рассмотрены вопросы крестьянского землепользования. Отмечалось, что если в целом Европейская Россия почти повсеместно генерально обмежевана, то в Сибири, несмотря на то что межевые работы производились уже более 30 лет, размеры крестьянского землепользования оставались неопределенными, так как межевые действия выполнены лишь в общих чертах с установлением границ надела не для каждого отдельного сельского общества. К тому же межевание производилось в Сибири на незначительном, по сравнению с общей территорией, пространстве. Так, из числа всех казенных земель обмежевано и рекогносцировано: в Западной Сибири – до 11 млн десятин, а в Восточной – до 13 млн десятин [13. Л. 432–433]. Комиссия считала, что необмежевание казенных земель не может служить в обеих частях Сибири достаточным основанием к от-

срочке поземельного устройства. Межевание земель и снятие их на план может быть начато немедленно по изданию для Сибири правил о поземельном устройстве поселян, по примеру северных и северо-восточных губерний Европейской России, и должно проходить одновременно с работами по составлению владенных записей [13. Л. 440–441].

В вопросе о поземельном устройстве Комиссия считала необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство: межевые чины Министерства государственных имуществ, производившие съемку земель в Европейской России, хотя и определяли границы крестьянских наделов и составляли чертежи и планы хозяйственной съемки, но их действия и поставленные ими межевые признаки не имели юридического значения. В Сибири генерального межевания не было, поэтому Комиссия считала, что необходимо межевым чинам, проводящим работы по отграничению земель крестьянского надела, предоставить те же права, какие предоставлены губернским и уездным землемерам, т.е. чтобы эти чины укрепляли границы крестьянского владения не временными, а постоянными межевыми признаками, установленными для генерального и специального межевания, и чтобы составленные ими планы имели бы юридическую силу и значение планов генерального межевания.

Это особенно было необходимо в Сибири, где не существовало никакого юридического разграничения земель и местное население привыкло распоряжаться казенными землями и лесами бесконтрольно и безгранично, как своей личной собственностью. При этом владенная запись давала крестьянам юридическое право собственности на отведенные земли, следовательно, план, определявший пределы этого права, должен был иметь юридическое значение [Там же. Л. 474–476]. Содержание захватного права, на первый взгляд, совершенно совпадает с содержанием права собственности: раз захватив землю, сибирский крестьянин считал себя ее полновластным хозяином, он никого не допускал распахать землю. Для охраны своего права на исключительное владение землей он не останавливался и перед насилием, и перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его права от всякого вторжения [14. С. 53]. При захватном владении в руках крестьянина сосредотачивались фактически все три составных права собственности – владение, пользование и распоряжение [Там же. С. 59].

Право «трудовой собственности» крестьянское сознание ставило выше юридического права на землю и угоды, не подкрепленного вложением труда или средств. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной поговорке: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда служила, в большинстве случаев, определяющим фактором владения землей [15. С. 97].

Для исправления данного положения дел необходимо было приступить к немедленному межеванию

земель в Сибири. Комиссия барона М.Н. Медема настаивала на формировании поземельно устроительных отрядов в каждой губернии в целях окончательного поземельного устройства крестьян с предоставлением им надела в частную собственность [13. Л. 472]. Срок земельно-устроительных работ определялся комиссией в 10 лет. Однако только через 12 лет, в 1885 г., был учрежден Западно-Сибирский переселенческий отряд. Деятельность отряда должна была заключаться в изыскании свободных земель и заготовлении участков, пригодных для поселений [16. Л. 5]. С начала деятельности Переселенческого отряда размер надела составлял 15 десятин. Данная норма удобной земли на душу мужского пола только казалась равной для всех. В действительности никто не дал четкого определения, что считать «удобной землей». Далеко не вся «удобная земля» была пригодной для земледелия. Приискивая земли для переселенцев, партии исключали из числа пригодных земель те, которые считали нужными оставить в единственном пользовании казны [17. С. 36–37]. Обозначение площадей, пригодных для земледелия, не делалось, а составлялось лишь в общих чертах описание почв и растительного покрова. Эти описания не давали материалов для каких-либо заключений о хозяйственной ценности или даже просто пригодности отводимых земель. Определяя пригодность участков, землемеры руководствовались только личными впечатлениями. В сибирской печати отмечалось, что приезжий чиновник при поверхностном взгляде на Сибирь наблюдал превосходную растительность, обилие естественных богатств, и, видя бедных крестьян, страдающих от недорода хлеба, падежа скота, ему и в голову не приходило заняться исследованием данных территорий, поскольку все неудачи он связывал с непросвещенностью крестьян и верил, что в его руках хозяйство дало бы иные результаты [18]. Поскольку работа межевых чиновников оказалась неудовлетворительной, то и дальнейшее распространение частной собственности на крестьянские наделные земли становится невозможным. Законом от 13 июля 1889 г. земли переселенцам были отведены не на праве собственности, а на ограниченном праве пользования с исключением свободы распоряжения отводимым участком. Последующий закон от 23 мая 1896 г. о поземельном устройстве крестьян Сибири носил консервативный характер прежде всего потому, что окончательно признавалась собственность государства на землю.

Таким образом, изначально правительство после освобождения крестьян от крепостной зависимости предусматривало предоставление им в частную собственность земельного надела под воздействием развернувшихся в обществе дискуссий. Последующее законодательство, а именно указ от 24 ноября 1866 г., предусматривало введение частной собственности на крестьянские земли, а комиссия барона М.Н. Медема рассматривала возможность распространения данного

указа на Сибирь. Однако частная собственность на крестьянские наделенные земли так и не была введена. Предположим, что причина кроется не только в консервативности мышления правительственных чинов-

ников, но и в менталитете крестьян, поскольку обычное право долгое время регулировало поземельные отношения и являлось определяющим фактором в разрешении поземельных споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пичета В.И. Противники крепостного права // Великая реформа. М., 1911. Т. II.
2. Vormsa A.E. Положения 19 февраля // Великая реформа. М., 1911. Т. VI.
3. Бочкарева В.Н. Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. М., 1911. Т. III.
4. Дорофеев М.В., Семиколонов М.В. Проблема крестьянской собственности на землю в российской исторической мысли во второй половине XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381.
5. Селиверстов С.В. Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли. Караганда, 1995.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 8.
7. Высочайшее утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (№ 36657) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1-е.
8. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
9. Именной, данный Сенату, опубликованный 1 декабря «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1868. Т. 41. Отд. 2-е.
10. Высочайший указ 24 ноября 1866 г. о поземельном устройстве // Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ 1837–1887. СПб, 1888. Ч. 2 : Попечительство. Поземельное устройство.
11. Листья из Комитета Министров от 16 марта 1873 г. № 405 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739.
12. Доклад по департаменту общих дел М.Г.И. «О положении дела об устройстве государственных крестьян и имуществ в Сибири». (На докладе имеется надпись: «Должено Его Величеству в Санкт-Петербурге 19 марта 1873 г.») // РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739.
13. РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739.
14. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири: по местным исследованиям 1886–1892 гг. М., 2011.
15. Платонов О.А. Русский труд. М., 1991.
16. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 17.
17. Молодых И.А. К реформе переселенческого дела // Вопросы межевания и землеустройства. М., 1906. Кн. 4.
18. Сибирское многоземелье и малоземелье // Восточное обозрение. 1883. 25 авг.

Semicolenov Maxim V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: semikolenov.maksim@yandex.ru

THE ISSUE OF OWNERSHIP OF PEASANT ALLOTMENT LAND IN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: private property; the peasantry; Siberia; allotment land; M.N. Medem.

In this article we submit for consideration the problem of introduction of private property on peasant allotment land and the opportunity of its spreading in Siberia. The necessity of introduction of land privacy was realized at the beginning of XIX century. So, a landowner Zubov considered that peasants cultivate land insufficiently in order to have a good crop, because it is not their property. Before the abrogation of serfdom in Russia the discussion between westernizers and slavophiles flares up again. Their points of view on the property problem were absolutely contrary. If slavophiles acknowledged peasant property on allotment land, proceed from the fact that they invested their productive labour in it, westernizers thought that land privacy right should be concentrated in the state. The act of 19 February 1861 proposed to give peasants land in private property. Land lots, bought in results of redeemed operations were brought to the community and the community disposed them by its own. The community could divide lots between peasants and give everybody a lot in private ownership, or leave it in common possession. Every member of village society could demand to allot him land out of social possession, equal to his share of participation in acquisition of land. During state peasants managing reform it was decided to give them equal rights with peasants from serfdom dependence. According to the act of 18 January 1866 state peasants were transferred to state department of property than forming rural parishes. In the given act, the attention was concentrated on the point that peasants settled on the state lots own their land and keep their possession. This functioning order worked without changing up to the definition of land arrangement of the state peasants. Edict of November 24, 1866 foresaw introduction of private property in 36 provinces of The Russian Empire, except Siberia because its lands had no boundaries. The possibility of spreading act of 24 November 1866 on Siberian peasants had a committee under the leadership of M.N. Medem, set up in December 1872. The commission considered that optionally surveying state lands in both parts of Siberia may not be sufficient reason to postpone the land-unit. Land surveying and removal of the plan could be initiated immediately after the publication of the rules in Siberia on the land unit. As in Siberia have developed special forms of land use and prevailing remained gripping, the commission insisted that the officials conducting land management, strengthened border peasant ownership is not temporary and permanent land-signs established for general and special surveying, and that made up their plans would have legal force and the value of general plan survey. When gripping ownership in the hands of peasant focused virtually all three constituent property rights - ownership, use and disposal. The farmer thought that if they had invested labor in the cultivation of land, it is his property. However, subsequent legislation definitively determined the ownership of land by the state.

REFERENCES

1. Picheta, V.I. (1911) Protivniki krepostnogo prava [Opponents of serfdom]. In: Yakovlev, A.I. (ed.) *Velikaya reforma* [The Great Reform]. Moscow: Obrazovanie.
2. Vormsa, A.E. (1911) Polozheniya 19 fevralya [Provisions of 19 February]. In: Yakovlev, A.I. (ed.) *Velikaya reforma* [The Great Reform]. Vol. 6. Moscow: Obrazovanie.
3. Bochkareva, V.N. (1911) Dvoryanskie proekty po krest'yanskomu voprosu pri Nikolae I [Projects of the aristocracy on the peasant question under Nicholas I]. In: Yakovlev, A.I. (ed.) *Velikaya reforma* [The Great Reform]. Vol. 3. Moscow: Obrazovanie.
4. Dorofeev, M.V. & Semikolenov, M.V. (2014) The problem of peasant land ownership in the Russian historical thought in the second half of the nineteenth century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. (In Russian).

5. Seliverstov, S.V. (1995) *Problema krest'yanskoy sobstvennosti v russkoy istoricheskoy mysli* [The problem of peasant property in Russian historical thought]. Karaganda: Karaganda State University.
6. Klyuchevsky, V.O. (1987) *Sochineniya: v 9 t.* [Works. In 9 vols]. Vol. 8. Moscow.
7. The Russian Empire. (1863) *Vysochayshe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti (№ 36657)* [The Highest Approved General Provision on the Peasants, emerged from serfdom (№ 36657)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 36. St. Petersburg.
8. Zayonchkovskiy, P.A. (1968) *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The abolition of serfdom in Russia]. Moscow: Prosveshchenie.
9. The Russian Empire. (1868) *Imennoy, dannyy Senatu, raspublikovannyy 1 dekabrya "O pozemel'nom ustroystve gosudarstvennykh krest'yan v 36 guberniyakh"* [The resolution given to the Senate and published on December 1 "On the land organization of state peasants in 36 provinces"]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 41. St. Petersburg.
10. The Russian Empire. (1888) *Vysochayshiy ukaz 24 noyabrya 1866 g. o pozemel'nom ustroystve* [The Highest Decree of 24 November 1866 on the land unit]. In: Kareev, N.I. *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletney deyatel'nosti ministerstva gosudarstvennykh imushchestv 1837–1887* [A historical review of fifty years of activity of the Ministry of State Property for 1837–1887]. St. Petersburg: Steam Typography by Yablonsky and Perotti.
11. The Russian State Historical Archives (RGIA). *Pis'mo iz Komiteta Ministrov ot 16 marta 1873 g. №405* [Letter №405 from the Committee of Ministers on March 16, 1873]. Fund 385. List 11. File 6739.
12. The Russian State Historical Archives (RGIA). *Doklad po departamentu obshchikh del M.G.I. "O polozhenii dela ob ustroystve gosudarstvennykh krest'yan i imushchestv v Sibiri"* [Report of the Department of General Affairs M.G.I. "On the state of affairs about the state peasants and assets in Siberia"]. Fund 385. List 11. File 6739.
13. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 385. List 11. File 6739.
14. Kaufman, A.A. (2011) *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri: po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [The peasant community in Siberia by local research 1886–1892]. Moscow: A.F. Tsinzerling.
15. Platonov, O.A. (1991) *Russkiy trud* [Russian labor]. Moscow: Sovremennik.
16. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 391. List 1. File 17.
17. Molodykh, I.A. (1906) *K reforme pereselencheskogo dela* [To the resettlement reform]. *Voprosy mezhevaniya i zemleustroystva*. Book 4.
18. *Vostochnoe obozrenie*. (1883) *Sibirskoe mnogozemel'e i malozemel'e* [Siberian abundance and lack of land]. 25 August.